

Ivchenko, Valerian
" Jakovlevich
В. Свѣтловъ. (pseud)
V. Svetlov

ДОСТРОЕННЫЙ ХРАМЪ

Dostroennyyi khram,

ФЛОРЕНТІЙСКІЙ РОМАНЪ

(1692—1695)

RUSSIAN BOOK & ART
BOOK STORE
1415 Divisadero Street
San Francisco 15, California
1661 O'Farrell St, San Francisco

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
«Ирская» Паровая Типо-Лит. Мордуховскаго, Влад. 19
1899.

LOAN STACK

Дозволено цензурою С.-Петербургъ 3 Апрѣля 1896 года.

PG 3467
I85 N4

ВЕСПЕРЪ
(1692 г.)

RUSSIAN BOOK & ART

**1415 Divisadero Street
San Francisco 15, California**

528

I.

РИМЪ засыпаль. Послѣдніе лучи догоравшаго солнца гасли на западѣ, озаряя древнюю столицу міра кровавымъ заревомъ; сумерки сгущались, и ночь наступала быстро. На сразу потемнѣвшемъ небѣ зажглись разноцвѣтныя звѣзды и всплылъ серебряный серпъ луны. Мрачное багровое освѣщеніе смѣнилось волшебнo-серебристымъ. Лунный свѣтъ вырывалъ изъ мрака ночи уголъ зданія или блестялъ серебромъ на грандіозномъ куполѣ собора св. Петра—этомъ славномъ памятникѣ эпохи Возрожденія; но эта эпоха давно прошла, оставивъ по себѣ великіе образцы человѣческаго генія, которымъ тщетно старалась подражать наслѣдница ея — болонская школа живописи, заимствуя всѣ лучшія стороны отжившихъ школъ: лучшіе представители ея—знаменитые и славные Гвидо-Рени

и Доминикино—не могли уже возвыситься до генія эпохи Возрожденія, и всѣ ихъ произведенія были лишь хотя и блестящими, но все-таки подражаніями. Но и эта школа канула въ Лету, и теперь Римъ, этотъ неистощимый, казалось, очагъ искусствъ, переживалъ грустную эпоху всеобщаго ихъ приниженія. Въ особенности этотъ упадокъ сказывался на архитектурныхъ произведеніяхъ, творцы которыхъ какъ-то мельчали; фантазія ихъ тщетно силилась подняться до грандіозныхъ, величавыхъ и высокохудожественныхъ образцовъ былого искусства, и они принуждены были ограничиваться, въ сознаніи своего безсилія, подражаніями и заимствованіями, для чего и ѣздили во Флоренцію и Пизу, гдѣ геніемъ Буонаротти и Джіотто создано столько блестящихъ памятниковъ искусства...

Папскій дворецъ давно уже спалъ погруженный во тьму; мертвая тишина въ городѣ свидѣтельствовала о томъ, что жители, утомленные дневнымъ зноемъ, мирно отдыхали; нигдѣ не было слышно ни топота коней, ни звука пѣсни, ни веселаго окрика; только около длинной и высокой ограды папскаго сада слышно было бряцаніе оружія нѣсколькихъ часовыхъ папской стражи.

Внутри, у самых дверей папской опочивальни, стоялъ на часахъ Карлуччіо Казале, изъ города Казале, и былъ очень удивленъ, слыша въ эту ночь тяжкіе стоны св. отца. Онъ недолго раздумывалъ и, покинувъ свой постъ, отправился черезъ длинную анфиладу комнатъ, увѣшанныхъ по стѣнамъ портретами именитыхъ римскихъ кардиналовъ и папъ, въ небольшое помѣщеніе, занимаемое дежурнымъ прелатомъ.

Дежурный прелатъ, толстый мужчина лѣтъ сорока съ небольшимъ, сладко дремалъ, вытянувшись во всю длину удобнаго кресла. Передъ нимъ на столѣ стоялъ кувшинчикъ вкуснаго краснаго вина и недопитая рюмка, вмѣстѣ съ багровымъ носомъ прелата свидѣтельствовавшая о томъ, что даже этотъ небольшой остатокъ чуднаго напитка не могъ найти себѣ помѣщенія въ переполненномъ черезъ мѣру желудкѣ прелата.

Прелатъ любилъ эти дежурства при св. отцѣ. Хотя они и были не совсѣмъ по темпераменту этого духовнаго отца, предпочитавшаго всему въ мірѣ свой уютный кабинетъ и бесѣду за рюмочкой винца съ румяной плотной и черноокой Кончетеллой—экономкой въ его мирной обители, но св. отецъ такъ хорошо кормилъ и еще гораздо

лучше поилъ въ дни дежурствъ, что прелать, начинавшій каждое утро передъ днемъ дежурства тяжело вздыхать и охать, посматривая масляными и жаждавшими покоя глазами на дородную Кончетеллу, кончалъ тѣмъ, что съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ покидалъ свое удобное кресло въ дежурной комнатѣ и тѣми же масляными глазами провожалъ кувшинчикъ и рюмку, когда ихъ убирали со стола передъ его уходомъ съ должности. Впрочемъ, если въ рюмкѣ или въ кувшинчикѣ все еще по какому либо недоразумѣнію оставалась хотя капелька душистой влаги, то онъ ее допивалъ съ большимъ наслажденіемъ.

Въ этотъ день прелать сытно пообѣдалъ и очень хорошо выпилъ; потомъ, прочитавъ, больше, впрочемъ, для формы, нѣсколько строкъ священной книги, которую онъ досталъ изъ одного изъ многихъ шкафовъ, стоявшихъ по стѣнамъ небольшой комнатки, онъ расположился было на отдыхъ, распустивъ поясъ и вытянувъ съ наслажденіемъ свои коротенькія ноги, но вдругъ вспомнилъ, что во первыхъ, въ папскихъ подвалахъ, кромѣ только что выпитаго имъ кувшинчика, навѣрно же хранится и еще нѣсколько таковыхъ и, во вторыхъ, что если онъ потребуетъ себѣ еще одинъ кувшин-

чикъ, то отъ этого никому вѣдь не будетъ худо и не произойдетъ для св. отца разоренія. Сообразивъ и разсчитавъ это, онъ потребовалъ себѣ вина. Но что случилось вслѣдъ за тѣмъ — онъ уже не могъ сообразить и никакъ не могъ разсчитывать на то, что новый кувшинчикъ останется недопитымъ.

Карлуччіо Казале никакъ не могъ добудиться временно перешедшаго въ лучший міръ прелата. Всѣ его усилія ни къ чему не вели. Прелать сопѣлъ и свисталъ носомъ, храпѣлъ съ открытымъ ртомъ и вдрагивалъ толстымъ животомъ, когда его съ почтительной осторожностью принялся встряхивать Карлуччіо. Старый воинъ хотѣлъ уже махнуть на него рукой и отправиться поскорѣе къ своему посту на кругломъ коврикѣ у дверей папской опочивальни, когда замѣтилъ на столѣ рюмку и кувшинчикъ. Онъ поболталъ кувшинчикъ и имѣлъ удовольствіе убѣдиться, что на днѣ его есть еще цѣнная влага. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ очень удивленъ подобнымъ великодушіемъ прелата, привычки котораго зналъ съ давнихъ временъ. Но когда онъ ставилъ обратно на столъ рюмку, онъ имѣлъ неосторожность стукнуть ею, и этого звука было достаточно чтобы разбудить

спящаго прелата. Такова магическая сила звука рюмки! Онъ вскочилъ какъ встрепанный и закричалъ:

— Святая Марія! Кто ты, дерзкій, осмѣлившійся дотронуться до напитка св. отца, каковой пить въ этой комнатѣ мнѣ одному полагается?..

— Это я, Казале, Карлуччіо Казале...

— А-а! — протянулъ прелатъ. — Я не зналъ этого за тобой, старый Карлуччіо! Я не одобряю этого, нѣтъ не могу одобрить... Воздержаніе есть мать всѣхъ добродѣтелей, и тебѣ. моему духовному сыну, Карлуччіо, стыдно этого, не знать... Все выпилъ?—прервалъ онъ себя.

— Да кажется все, отче...

— Вотъ видишь... А воздержаніе-то гдѣ было? Впрочемъ, велика мнѣ; какъ пойдешь обратно, принести еще кувшинчикъ.

И онъ съ этими словами совершенно и сразу успокоился.

— Что же тебѣ надо отъ меня, Карлуччіо, что ты, покинувъ свой постъ, пришелъ сюда? Вѣдь не вино же тебя привлекло въ мою комнату?

— Нѣтъ, отче,—отвѣчалъ старый служака.— Я стоялъ на стражѣ у опочивальни его святѣй-

шествва. Его святѣйшество всю эту ночь спитъ очень беспокойно, тяжело вздыхаетъ и громко стонетъ. Полчаса тому назадъ онъ сталъ такъ тяжело стонать, что я перепугался и подумалъ, „не заболѣлъ ли—храни его святая дѣва Марія—св. отецъ“. Я и отправился къ вамъ, отче, предупредить васъ...

— Хорошо, сынъ мой!—сказалъ прелать:—хорошо ты поступилъ, и за это я тебѣ дамъ еще рюмку этого добраго вина, если мнѣ его принесутъ до твоей смѣны.

Прелать и Карлуччіо отправились къ дверямъ опочивальни. Прелать шелъ на цыпочкахъ поддерживая на своемъ толстомъ животѣ обѣими руками длинные концы своей рясы. Онъ нагнулся къ двери, чтобы послушать стоны св. отца, но чуть не потерялъ равновѣсія и, еслибы не былъ во-время поддержанъ воиномъ, то навѣрно бы влѣтѣлъ въ опочивальню и тяжкимъ кошмаромъ предсталъ бы передъ святѣйшія очи безпокойно дремавшаго папы.

Но изъ дверей ничего теперь не было слышно, кромѣ ровнаго, мѣрнаго, самаго естественнаго дыханія спящаго человѣка. Прелать еще постоялъ и послушалъ, но, оцѣть ничего не услышавъ, онъ

съ укоризной посмѣтрѣлъ на Казале, и, когда тотъ хотѣлъ оправдаться и раскрылъ уже ротъ, прелать отчаянно замахалъ на него руками и, все еще подбирая полы своей рясы, на ципочкахъ вышелъ изъ комнаты, уморительно переваливаясь съ одной ноги на другую и присѣдая черезъ каждые два шага.

Карлучіо Казале вскорѣ смѣнился, а прелать до самаго утра не могъ дожидаться упоительной влаги, почему и благоразумно рѣшилъ отдаться одолѣвавшей его дремотѣ.

Наступившее утро принесло нерадостныя вѣсти папскому двору. Между дворцовою челядью ходили темныя слухи, что папа Иннокентій XII проснулся въ очень тревожномъ и смутномъ настроеніи духа. Онъ даже отказался отъ легкаго ранняго завтрака, безъ котораго никогда не принимался до того ни за какое дѣло; онъ не вышелъ даже совершить обычную прогулку въ свой дивный садъ; отмѣнилъ обычные доклады кардиналовъ, а только освѣдомился—явились ли уже въ Ватиканъ кардиналъ Джіованни Строччи и о. пенетенціарій Артуро Арриджи. Это были его любимые совѣтники и друзья. Прежде, чѣмъ предпринять какое либо рѣшеніе, прежде, чѣмъ посту-

нить такъ или иначе, онъ всегда совѣтывался съ этими двумя приближенными и въ особенности съ послѣднимъ; кардиналы, конечно, это знали и дарили обоихъ совѣтниковъ св. отца своимъ особымъ вниманіемъ, предупредительностью, низкопоклонствомъ и лестью. Джіованни Строччи и Артуро Арриджи давно уже явились во дворецъ и ждали приѣма. Молодой францисканецъ вскорѣ явился въ отдѣльную приемную, въ которой сидѣли оба духовныя лица, и пригласилъ ихъ въ кабинетъ Иннокентія XII. Папа былъ очень блѣденъ, почти желтъ отъ дурно проведенной ночи; глаза его ввалились и окружены были темной синевою; губы его тряслись.

Послѣ первыхъ привѣтствій водворилось молчаніе. Строччи и Арриджи не знали, что дѣлать: нарушить молчаніе было неприлично, пока не заговорить папа, а папа какъ будто совершенно забылъ объ ихъ присутствіи, и глаза его блуждали какъ-то совершенно неопредѣленно по комнатѣ, не останавливаясь подолгу ни на одномъ предметѣ. Оба совѣтника недоумѣвающе взглядывали другъ на друга и тотчасъ же потупляли очи въ полъ. Наконецъ св. отецъ заговорилъ:

— Я призываю васъ,—началь онъ упавшимъ голосомъ,—чтобы еще разъ, друзья мои, услышать отъ васъ мудрое слово совѣта. Вамъ уже вѣроятно извѣстно, что я провелъ очень тяжелую, безпокойную ночь...

— Какъ-же, ваше святѣйшество... намъ докладывалъ объ этомъ дежурный прелатъ,—сказали оба совѣтника въ одинъ голосъ.

— Онъ всю ночь не спалъ, безпокоясь за состояніе драгоцѣннаго вашего здоровья,—прибавилъ Арриджи.

— И хотѣлъ посылать за нами,—вставилъ Строччи.

— Но не сдѣлалъ почему-то этого, за что я ему преподалъ строгое внушеніе,—вновь добавилъ о. пенетенціарій.

Папа слушалъ ихъ безучастно или, вѣрнѣе сказать, врядъ ли даже слыхалъ то, о чемъ они говорили, и во всякомъ случаѣ не оцѣнилъ ихъ трогательныхъ заботъ о его священномъ здоровьѣ.

— Да, да,—проговорилъ онъ;—конечно, но вы не знаете, почему я провелъ такую ночь... Меня постигла св. Марія Магдалина...

— *Jesus Maria!*—набожно воскликнули совѣтники.

— Да... Мнѣ снился страшный сонъ, — продолжалъ папа: — какъ будто я былъ поверженъ ницъ и, лежа на землѣ, въ униженіи, въ пыли и грязи, созерцалъ картину, величаво подымавшуюся передо мною на голубомъ фонѣ неба...

— Что изображено было на небѣ, св. отецъ? — спросилъ Строчки.

— Тамъ сидѣло нѣсколько безобразныхъ существъ: не то люди, не то звѣри. Одинъ изъ нихъ маленькій челоуѣкъ съ огромнымъ вздутымъ брюхомъ и съ налитыми кровью глазами; онъ походилъ нѣсколько на вчерашняго нашего дежурнаго прелата, котораго я видѣлъ нѣсколько разъ въ теченіе дня. И около чудовища стояла бочка съ виномъ, изъ которой онъ пилъ красную влагу, пока не лопнулъ и изъ брюха его не потекли потоки алой теплой жидкости, обрызгавшей меня съ ногъ до головы. И съ неба слышалось мнѣ чудное вѣщаніе: „Иннокентій—это грѣхъ невоздержанія и преданности твоей къ матеріальнымъ благамъ жизни“... Рядомъ съ маленькимъ чудовищемъ лежало, занимая чуть не полнеба другое чудовище; не менѣе отвратительное, чѣмъ первое, съ длинными, длинными вѣками, взъерошенными волосами и съ постоянно открытымъ ртомъ, изъ